

всѣмъ доволенъ, только ты ужъ, пожалуйста, проводи меня на дорогу, надо домой идти, боюсь—не заблудиться бы. „Ладно, говоритъ, пойдѣмъ. Идутъ они тихошенько, а мужикъ все думаетъ: „эхъ, заведетъ меня лѣшой куда нибудь,

а дѣлать нечево, попался дакъ иди. Вдругъ, старикъ и говоритъ: „топере, дядя, не заблудишься“, и ни стало старика. Мужикъ смотритъ, а онъ у самова своего дома стоитъ на крыльцѣ. Топере, говоритъ, вѣрно не заблужусь“.

Разсказъ.

„Около г. Вельска, молодой парень ходилъ лѣсовать, ставилъ, значить на зайчовъ силъя, клещи, ну, ловилъ и другихъ звѣревъ. Только значить, все неудача, что ни наставитъ ловушки. все пусто. Разъ идетъ этотъ парень съ лѣшни, попадаетъ ему старичекъ: „куда, говоритъ, паренекъ ходилъ“.—„А ходилъ я, дѣдушка, лѣсовать, да ничего не попало“.—„Плохо, говоритъ, видно ты ничего не знаешь“.—„Нѣтъ, дѣдушка, ничего не знаю.“ — „Нѣтъ ли, говоритъ у тебя хлѣба? „Нѣтъ, былъ да весь вышелъ; а вотъ соли немного осталось“. — „Давай, говоритъ, и соль“. Парень подалъ старику щепотку соли, тотъ що то пошепталъ и подалъ парню. „Вотъ, говоритъ, сходи съ этой солью на лѣшню: никогда не придешь съ пустыми руками; только про это никому не сказывай. На какого бы звѣря не поставилъ тотъ непременно и попадетъ: поставилъ на зайца, попадетъ заяцъ, поставишь на лисичу, попадетъ лисича“. Вотъ парень поблагодарилъ старика и пошелъ домой. На другой день и пошелъ онъ въ лѣсъ съ клещами и поставилъ ихъ все на зайцевъ. Дня черезъ два приходитъ, а въ каж-

домъ клещи по зайцу. Лѣсуетъ парень, народъ не можетъ надивиччо,—то рысь принесетъ, то личицю, то норку, то каждый день по ношѣ, и никому не сказываетъ, отчего ему такая удача. Разъ и собирается парень на охоту въ воскресенье, эдакъ передъ заутреней. Отецъ увидалъ, що парень собирается въ лѣсъ и говоритъ ему, „полно Ваня, не ходи въ праздникъ, находишься и въ будни, що за охота? люди въ черковь, а ты въ лѣсъ. — Нѣтъ, говоритъ—тятя, схожу. Клепчи поставлены давно, до обѣда-то вернусь“.—„Ну, говоритъ, какъ хочешь“. Вотъ парень взялъ лыжи, и пошелъ, идетъ, идетъ, а клещовъ не видитъ, и зашелъ онъ, должно быть, далеко, смотритъ мѣсто незнакомое, мысь да выложки—и не пройдешь. Видитъ, що зашелъ неладно и идти не знаетъ куда, пошелъ ужъ на угадъ, що молъ будетъ. Шолъ, шолъ и видитъ стоитъ домъ огромный, двухъ этажный и огоньки въ окнахъ видно.—Дай, думаетъ пойду, что будетъ, то будетъ. Идетъ,—двери то не заперты. Вошелъ въ комнату, смотритъ сидитъ тутъ дѣвка, да и дѣвка то знакомая, изъ ихней деревни. „Ты какъ, го-

Стоитъ домъ преогромный, двухъ-этаж-
ный и огоньки въ окнахъ видно.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

ворить, сюда попалъ Иванъ? Въдѣ не ладно здѣсь черти живутъ, и тибѣ пожалуй домой не бывать. Вотъ що, говорить,—слушая що я тебѣ скажу, то и дѣлай. Сейчасъ придутъ къ тебѣ черти и нанесутъ, говорятъ—всего и ись и пить; ты только ничего не ѣшь, и не пей, а то дома тибѣ не бывать. Потомъ тебя станутъ мучить и издѣваться, ты не бойся, отступятъ и потомъ уйдутъ я въ это время отворю двери, такъ ты не зѣвай, убѣгай“. Только что она это проговорила, вдругъ прибѣгаютъ черти, только значить, въ человѣческомъ образѣ, и тащатъ всякой похлебки и вина, ну всего. Только нашъ парень ни къ чему не дотрагивается. Вотъ и давай его тѣ мучить всяко-всячески. Мучили, мучили, видятъ, что толку мало—отступились отъ парня

и ушли. Какъ только это они ушли, дѣвка сейчасъ и отворила двери, парень выбѣжалъ,—смотришь: лыжи прислонены къ елкѣ. Взялъ это онъ лыжи и пошелъ. Долго шелъ, а мѣсто все незнакомое. Морозъ, ись охота, а ись нечего; изъ силъ выбился, идти не можетъ и легъ. Тутъ бы онъ и замерзъ, да по счастье ѣхали мужики по бревна, одинъ и увидалъ; видитъ, лежитъ какъ бы и чело-вѣкъ, а боится, потому тотъ весь чер-ный. Мужики и говорятъ: „да что ты боишься? тоже дивъ да крещеный, дакъ знаетъ молитву. Мужикъ подошелъ и спрашиваетъ „ты крещеный? А ну пере-крестись. Тотъ перекрестился и прочи-талъ Отче. Тутъ мужики подобрали парня и увезли домой. Только даромъ ему это ее прошло: отморозилъ парень

Тащатъ всякой похлебки.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

Одинъ мужикъ увидалъ, что лежитъ
человѣкъ

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

и руки и ноги, а все-таки и тепере живъ.

Дакъ вотъ значить, и опасно лѣсо-

вать съ наговоромъ то. Наговоръ—наговору рознь.

Сообщ. *Суровцевымъ*.

Сѣкъ мужикъ въ лѣсѣ перелѣтъ (дрова, которые пролежали лѣто срубленными. Рубятъ обыкновенно весной для обдирки скалы, потомъ оставляются и если скалы драли близки, то на слѣдующее лѣто срубленные березы упо-

требляются на дрова), насѣкъ полинницу и ушелъ. Только приходитъ на другой день рубить дрова, а полинница вся раскидана въ разныя стороны. Що за оказія, кто раскидалъ? Какжись и придти некому да некогда. Собралъ мужикъ

Да ну бѣжать съ кряжемъ то и руиъ выдернуть не можетъ.

дрова, принялся опять рубить, нарубилъ, склалъ въ полинницу и ушелъ. На завтра опять приходитъ, смотритъ—дрова опять раскиданы. Плюнулъ мужикъ да и говоритъ: „видно лѣшій полинницы у меня раскатываетъ. Только що помянулъ лѣшаго, вдругъ, откуда ни возмись, приходитъ къ ему мужикъ. „Давай говорить, дядя, помогу“.—„Помоги, помоги“. Въ это время мужикъ колотъ березовый

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

кряжъ (бревно) коимъ заколачивалъ „Суй, говоритъ, вотъ руки то въ щиль, раздери миѣ кряжъ то“. Тотъ только засунулъ руки въ щиль, мужикъ лишъ выколунулъ клинъ то. Э! тотъ и заоралъ нечеловѣчьимъ голосомъ, да ну бѣжать съ кряжемъ то и рукъ выдернуть не можетъ. „Ладно, говоритъ мужикъ, потомъ полинницъ раскидывать не будешь“.